Ограничения и возможности сельского старения[1]

Д.М. Рогозин

Дмитрий Михайлович Рогозин, кандидат социологических наук, директор Центра методологии федеративных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 119034, Москва, Пречистенская наб., 1. E-mail: nizgor@gmail.com

Из материалов трех масштабных исследований, проведенных Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, автором отобраны восемь наиболее значимых признаков сельского старения. Они разбиты на две группы. Первая представляет ограничения, вторая — возможности при старении на селе для активного, осмысленного долголетия. Пожилые сельчане, как правило, не работают, не учатся, не перемещаются и болеют — это ограничения. Но они поддерживают домашнее хозяйство, ухаживают за телом, двигаются и сохраняют интимность — это возможности. Практически все ограничения и возможности парны: не работают, но ведут хозяйство, не перемещаются и не путешествуют, но двигаются, болеют, но сохраняют интимность и ухаживают за телом. Только отказ от образования и учебы ничем не компенсируется при проживании в сельской местности. Автор приходит к выводу, что непрерывное образование может рассматриваться в качестве основного фактора активного старения, на который следует обратить особое внимание и включить в социальную политику, стимулирующую активное долголетие.

Ключевые слова: болезни, исследования старения, непрерывное образование, разнообразие старения, сельское старение, социология старости, старший возраст

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-2-86-101

Территориальное деление на городскую и сельскую Россию одно из самых долговременных и устойчивых. В языке (Балакина, Бороздина, 2009), административном делении (Овчинцева, Попова, 2013) экономических и социальных отношениях (Дементьев, 2011; Ильдарханова, 2014; Разумов, Рыженко, 2009), наконец, во взглядах на жизнь (Кузьменко, 2015), эмоциональных переживаниях (Акопян, 2014), представлениях о времени и пространстве (Фризен, Козлова, 2008) прочно укоренилась дихотомия сельского и городско-

1. Основные результаты апробировались на двух конференциях в Москве и Пекине: *Рогозин Д.М.* (2018). Старость в сельской России // XXV Международный симпозиум. Пути России: границы политики. в печати; Rogozin D. (2018). Later life in Russian villages // China-Russia conference on «Rural revitalization»; College of Humanities and Development Studies (COND), China Agricultural University (CAU). Beijing, China. May 5-6. Я признателен Александру Никулину, директору Центра аграрных исследований РАНХиГС, за конструктивную критику и фокусировку внимания на жителях сельской России.

го. Хозяйственный уклад, характер работ, мобильность, семейные представления и практики во многом формировались параллельно на селе и в городе. И только в последние годы заката индустриальной эпохи формирование новых специальностей, смешение сельского и городского населения через экспансию дачной культуры (Нефедова, 2018: 133-134), изменение ценностей и норм благополучной жизни (Копотева, 2016: 17-19), рост неформальной экономики (Виноградский, 2017: 114-117) привели к постепенному смыканию траекторий развития села и города. Однако в старшем поколении значимые различия городского и сельского уклада сохраняются. Тем важнее взглянуть на особенности сельской жизни, сравнить поведение и мнения сельских стариков с их городскими одногодками.

Село наполняется стариками не только из-за естественного старения населения, миграции молодых, низкой рождаемости. Многие пожилые горожане выбирают село как место старения и ухода из жизни (Downing, Jack, 2012; Rainsford, MacLeod, Glasgow et al., 2017; Wilson, Justice, Sheps et al., 2006). Благоприятная окружающая среда, иногда родительский когда-то покинутый дом, новые возможности по благоустройству и бытовым удобствам, городские практики ухода позволяют говорить о комфортном проживании последних лет или даже десятилетий — стали одной из значимых компонент сельской жизни в Европе. Аналогичная тенденция наблюдается и в России.

В статье представлены два набора наблюдений. Один указывает на ограничения, другой — на возможности сельского старения. Наблюдения не полны и не исчерпывающи, однако они вполне годны для формирования представлений о социальных различиях городского и сельского старших поколений. При сопоставлении различий, подборе пар, уравновешивающих ограничения и возможности, обнаруживается одно из ограничений, остающееся без пары. Это практически полный отказ сельских стариков от образования. Размышлением о последствиях такого внеобразовательного мировоззрения и обозначением ключевого вопроса, который старики не устают задавать себе и окружающим, завершается статья.

Многие наблюдения и суждения, обозначенные в статье, очевидны и обыденны. Их принято не замечать. Но даже очевидное и повседневное заслуживает внимания, усилий по изучению, поскольку только на очевидном, на здравом смысле может быть построено понимание такого сложного социального феномена, как сельская старость.

Корпус исследований

Наблюдения о жизни сельских стариков в моем случае немногочисленны — менее десяти лет, как я начал с ними вести беседы и обсуждать постпенсионный возраст в российской глубинке. Здесь же

вовсе ограничусь обследованиями 2017 года, тремя количественными опросами, которые неизменно сопровождались полевыми экспедициями.

Во-первых, это общероссийский телефонный опрос людей старше шестидесяти пяти лет (далее «Опрос 65+ (2017)»). Интервью проводились в июне 2017 года. Дизайн предусматривал опрос самих людей в возрасте 65 лет и старше, а также членов семей с пожилыми людьми. Было опрошено 2003 человека, из них 1120, или 56%, — пожилых и 880, или 44%, — члены семей, с которыми мы беседовали о пожилых. Опрос членов семей, живущих вместе со своими стариками, позволил существенно улучшить качество выборки. В традиционных опросах общественного мнения, проводимых лишь с людьми, отвечающими о себе, выпадают группы старше 80 лет, испытывающие значительные проблемы с передвижением, слухом, речью и формулированием мыслей. Другими словами, репрезентативные опросы, проводимые в России, на деле не репрезентируют старшее поколение россиян.

Во-вторых, это общероссийский опрос людей с ограниченными возможностями (далее «Инвалиды (2017)»). Интервью проводились с 30 ноября по 6 декабря 2017 года. Исследуемая совокупность — люди, имеющие ограничения по слуху, зрению, передвижению в возрасте от 18 лет и старше, а также члены их семей, которые проживают вместе с ними. Всего опрошено 1600 респондентов.

В-третьих, использовались данные опроса российских семей — «Человек, семья, общество» (2017), проводился с 4 по 18 апреля 2017 года — это общероссийский телефонный опрос экономически активного населения в возрасте от 18 до 72 лет. Размер выборки 9600 респондентов, из которых немалая часть стариков, проживающих в сельской местности.

Перечисленные исследования — комплексны, с расширенными концептуальными программами, в разработку и реализацию которых включен весь коллектив Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, в котором я отвечаю за проведение полевой части исследований.

Ограничения

Границы между образом жизни стариков в городе и селе стираются. «Социальный крестьянский мир систематически и неуклонно выдавливается в иную, чем прежде, незнакомую и необжитую, чужую среду повседневного существования» (Копотева, 2016: 118). Мы наблюдаем транзит городских способов потребления в сельскую местность. А уклад, привычки хозяйствования остаются прежними. Во-первых, происходит отказ от своих продуктов питания (сокращается площадь обрабатываемой земли, идет под нож скот, сокращаются хозяйственные практики). Продукты питания покупаются.

Предпочтения отдаются тем, что подешевле, с большими сроками годности. Во-вторых, продукты доставляются в упаковке, которой остается очень много. Часть пластика вывозится, большая — сжигается тут же, на огороде или даже в печи. В-третьих, функциональные ранее хозяйственные постройки пустуют, заполняются хламом, когда-то востребованным в хозяйственных нуждах инвентарем, изношенными инструментами умирающей повседневности. Старик может жить в большом доме в несколько сотен квадратных метров, но место его реального обитания, ухоженного и пригодного для сна и питания, измеряется парой десятков квадратных метров, не более того.

Зазор, возникающий между практиками потребления и бытом, особенностями хозяйствования приводит человека в уныние, к потере своего места в мире. «Зачем я столько живу? Для чего я живу? Кому я нужна?» — наиболее частые вопросы, которые задают себе и сами старики, и которыми встречают незнакомых людей, напрашивающихся в собеседники. Из череды разговоров — душевных и развернутых или стандартизированных, с оттенком казенщины и протокола — становятся ясны четыре базовые причины, ограничивающие, сужающие жизненный мир сельских (и не только) стариков.. Остановимся на каждой чуть подробней.

Не учатся

Пожилые не учатся. Ни в городе, ни на селе. Потенциально склонные к получению новых знаний, старики отказывают себе в такой возможности, не видят необходимости учиться (Рогозин, 2016: 28-30). Это общая проблема, пережиток индустриального представления об учебе как подготовке к взрослой жизни, которая оправданна лишь в ранней юности. За последние три года о посещении курсов[2] упоминают 10% людей старше 65 лет. Хотя на селе о наличии хоть каких-то курсов говорят 20% опрошенных, а в городе — 43%. На курсы идут люди общительные, испытывающие потребность в социальных контактах вне близкого круга родственников и друзей. В нынешнем поколении стариков таких — всего 10%.

Остальные замыкаются, прячут свое незнание за отговорками, успокоительными словами о прожитом, о ненужности, о прогрессе, который стер все их умения, обесценил былое знание. Тот, кто перестал учиться в юности, не сможет увидеть смысл в учебе и в старости. Таких много, и это одно из самых сильных ограничений, сдерживающих факторов счастливого старения. Когда все позади, новые впечатления лишь мешают спокойному поглощению времени, отвлекают от старческих воспоминаний, вопрос о смысле жиз-

2. Анкетный вопрос: «Ходили ли вы за последние три года на какие-либо курсы или занятия?» Опрос 65+ (2017), отвечали только пожилые.

ни получает отрицательный ответ. Нет смысла жить, когда жизнь осталась в прошлом, когда любопытство подавлено убежденностью в бессмысленности и бесперспективности любых новых знаний.

Когда речь заходит о непрерывном образовании, воображение рисует школьные парты, программы курсов, в лучшем случае — групповые занятия с наставниками. На деле образовательные форматы весьма разнообразны и вполне адаптивны под любые возрастные группы. В отношении старшего возраста лучше всего себя зарекомендовали индивидуальные консультации, чередующиеся с лекциями и коллективными формами социальных взаимодействий; обучение через устные истории (Costa, Polaro, Vahl, Goncalves, 2016) и групповые тренинги, в которых особое внимание уделяется формированию мотивации на обучение (Gegenfurtner, Vauras, 2012). Каждый из форматов направлен не только на достижение результата, но и на формирование осмысленного, значимого планирования собственного времени, преодоление исключенности и одиночества. Новые знания в старшем возрасте немыслимы без узнавания нового о своем окружении, формировании социального климата, подталкивающего к совместным занятиям.

Не работают

Значимость труда, необходимость и важность трудовой активности — ценность, разделяемая большинством старшего поколения россиян. Хотя многие связывают такую «трудовую этику» с нуждой и тяжелой, подчас голодной прошлой жизнью, труд рассматривается как безусловная ценность, выходящая за рамки экономических или материальных стимулов. Мотивация к продолжению трудовой активности как у нас, так и за рубежом (Fraser, McKenna, Turpin, Allen, Liddle, 2009; Nilsson, Hydbom, Rylander, 2011) лишь отчасти опосредована экономическими соображениями и в большей степени состоит в субъективном восприятии здоровья, включенности в практики непрерывного образования, востребованности, социальных и семейных отношениях. Пожилой человек, занятый даже на низкооплачиваемой работе, чувствует себя лучше, испытывает заслуженную гордость и получает негласное уважение окружающих.

Пенсии на селе ниже, распределены среди односельчан равномерней. В среднем сельчанин старше 65 лет получает 13 600 рублей, горожанин — 15 900 рублей. А разброс (среднее квадратичное отклонение) в селе — 5700 рублей, в то время как в городе — 10 600 рублей. Несмотря на более низкие доходы и декларируемую значимость труда, работают в селе старики меньше. Работы нет, и здоровье для имеющейся не подходит. В селе о том, что работают[3],

3. Анкетный вопрос: «Работаете ли вы сейчас, получая зарплату или какое-либо материальное вознаграждение?» Опрос 65+.

говорят только 5% респондентов старше 65 лет, в городе — 13%. Подавляющее большинство из них младше 70. В России — это граница трудоспособного возраста. Независимо от желания и даже потребности в труде, людям постарше работать весьма затруднительно.

Обычно разговоры о занятости в старших возрастных группах сводятся к поднятию пенсионного возраста. Однако, как отмечает Марианна Виртанен, недостаточно ратовать лишь за продление трудоспособной жизни. Необходимо предлагать постоянную работу, стремиться к повышению качества занятости, условий труда, удовлетворяющих текущему здоровью и возможностям на протяжении всей жизни (Virtanen, 2018: 287). Другими словами, постпенсионная занятость в XXI веке должна рассматриваться не как средство от нужды, а как источник и условие активного долголетия.

В западных странах граница активной занятости сдвинута, что связано с лучшим медицинским обслуживанием, социальной инфраструктурой, общими представлениями об активном старении. Примечательно, что постепенно растет не только возраст активной занятости (независимо от действующего пенсионного возраста), но и снижается количество больничных листов у людей постпенсионного возраста. Так, в Швеции работающих в возрасте от 66 до 70 лет в 1995 году было менее 10% (что сопоставимо с сегодняшними российскими показателями), в 2010-м их доля достигла 24%. За этот же период увеличилась и доля работающих после 71 года — с 2,7% в 1995-м до 3,5% в 2010 году. При этом доля уходящих на больничный снизилась как среди младшей постпенсионной группы (66–70 лет) с 3,3% в 1995-м до 2,4% в 2010-м, так и в последующей возрастной группе (старше 71 года) с 2,2% в 1995-м до 0,2% в 2010-м (Farrants, Marklund, Kjeldgard, Head, Alexanderson, 2018). Это говорит о необоснованности страхов работодателей о том, что пенсионеры менее выгодны в качестве рабочей силы, что, в свою очередь, объясняет изменение их установок в отношении возрастных работников (Nilsson, 2018) и общего тренда на старение рабочей силы во всех отраслях народного хозяйства развитых европейских стран.

В России риторика «заслуженного отдыха» поддерживается лишь небольшой частью пожилых. Она ограничена обсуждениями размеров пенсионных начислений и отсутствием необходимости ежедневного выхода на работу. Другими словами, пенсия как некоторый этап жизненного пути человека связана исключительно с индустриальным способом организации жизни, жестко разделенной на занятость и досуговые практики (Куштанина, 2008: 155). Если же мы будем рассматривать труд как таковой, то потребность в нем, сожаление о невозможности участвовать в трудовых практиках, желание и радость любой активности, связанной с занятостью, определяет установки, формирует мировоззрение большинства пожилого населения независимо от их пола и возраста.

Старики в целом немобильны. Возраст в России — это основной фактор для оседлости, неподвижности. За последний год выезжали куда-то отдыхать[4] всего 17% горожан старше 65 лет, сельчан и того меньше — 9%. Как сами говорят, «в люди» выходят редко. Всё больше дома, в кругу семьи, если еще кто остался жив. А так, один на один с собой и со своими болячками. В городе о посещении каких-либо мероприятий[5]** говорят 33% людей старше 65 лет, на селе — 23%. Если в городе речь идет о театре, музеях и выставках, на селе — это, как правило, библиотека, изредка какие-то встречи в здании школы, дома культуры, если таковые сохранились.

В отличие от занятости, труда, об отсутствии (по большей части в силу плохого здоровья) которого старики упоминают с сожалением, перемещения и путешествия воспринимаются как излишество, черта молодости, неподобающее желание лишь отдельных чудаков. Среди стариков нет запроса на перемещение. Даже близкие родственники, живущие вдалеке, скорее сами приедут к своим родителям, бабушкам или дедушкам, нежели позовут их погостить. Курорты, туризм, поездки в значимые места вовсе не рассматриваются в качестве необходимых целей для перемещений.

Болеют

Старики болеют как в городе, так и в селе. 80% людей старше 65 жалуются на постоянные боли, болезни[6]. Имеется или отсутствует квалифицированная помощь — для них не так важно. Давно махнули рукой. «К врачам лучше не обращаться — залечат», — не раз приходилось слышать от стариков. Независимо от возраста, пола, материального положения пожилые рассказывают десятки историй о низком качестве медицинского обслуживания, отсутствии элементарного уважения к старости, внимания и милосердия со стороны врачей. «Лучше спокойно умереть дома, чем обивать пороги в поликлинике», — таков общераспространенный вердикт российской медицине.

Старость — это время привыкания к болям, недугам, хроническим заболеваниям, адаптации к немощи и одряхлению (Chapman,

4. Анкетный вопрос: «Ездили ли вы в прошлом году отдыхать по нашей стране или за границу?» Опрос 65+ (2017).
5. Анкетный вопрос: «Ходили ли вы за последние 12 месяцев в музей, театр, библиотеку, на какие-либо спортивные или культурные мероприятия?» Опрос 65+ (2017).
6. Анкетный вопрос: «Как часто вы испытываете физическую боль или сильный физический дискомфорт — ежедневно, несколько раз в неделю, несколько раз в месяц и реже?» Опрос 65+ (2017).

Casey, Dubner et al., 1985; Lautenbacher, Peters, Heesen, 2017). Лекарственные препараты могут лишь облегчить, но не предотвратить общий процесс старения. Поэтому так важно научиться управлять болью, разделять ее с семьей, не перекладывая на других ответственность, но и не чураясь помощи родных и близких.

Итак, старики не учатся, не работают, не перемещаются и болеют. Это составляет набор значимых ограничений, сковывающих их жизнь, формирующих рамки негативного взгляда на свою жизнь, угасание интереса к социальному миру.

Возможности

Поддерживают хозяйство

У подавляющего большинства сельчан огороды, лишь 6% говорят об их отсутствии, а у 11% огород хотя и есть, но они на нем ничего не выращивают (для сравнения: 42% горожан старшего возраста указывают на отсутствие огорода или приусадебного участка)[7]. 83% сельчан старшего возраста и только 47% горожан старше 65 лет продолжают работать на огороде. Эти данные подтверждаются и другими исследованиями. Так, в течение 2016–2017 годов проводилось изучение уровня благосостояния населения. Опрос старшей возрастной группы (65+)[8] показывает, что и среди сельских жителей, и среди городских увеличилась доля тех, кто содержит подсобное хозяйство, — на 4% и 6% соответственно: среди сельских жителей огород был в 2016 году у 78%, в 2017 году — у 82%; среди городских жителей в 2016 году у 36%, в 2017-м — у 42%.

Работа — это не только оплачиваемая деятельность, но и любая активность, завершающаяся результатом, имеющим «потребительскую ценность» (по Марксу). Субъективное благополучие зависит не от формального трудоустройства, а от трудовой активности, отношения к труду и к себе, формирующегося на протяжении всей жизни и не прерывающегося с выходом на пенсию (Hallerod, Orestig, Stattin, 2013). Потому домашнее хозяйство — не просто замещает былую трудовую активность. Оно придает осмысленность существованию, определяет настоящее, через обращение к прошлому и планирование будущего. Не случайно основные сетования стариков на потерянность и уныние зачастую связаны с невозможностью выполнять даже элементарные хозяйственные операции. Деревен-

7. Анкетный вопрос: «Есть ли у вас огород, приусадебный участок? Если да, то работали ли вы на нем в прошлом году?» Опрос 65+ (2017), отвечали только пожилые.
8. Анкетный вопрос: «Есть ли у вашей семьи домашнее подсобное хозяйство: овощи, фрукты на огороде, птица, скотина в хлеву?» Опрос «Уровень благосостояния» (2016, 2017).

ский труд поддерживает, укрепляет, насыщает жизнь старика, формирует элементы неброского, не взывающего к помощи, несуетного старения. «Пока силы есть, буду работать. А там и убраться можно. По-другому не знаю, как жить», — слова семидесятилетнего сельчанина, продолжающего трудиться на своем участке.

Ухаживают за телом

Сельчане реже горожан моются. Обычно раз в неделю или в десять дней, в бане. Каждый день принимают омовение 30% сельских стариков против 39% горожан[9]. Реже пользуются кремами: 48% сельчан против 59% горожан[10]**. Мужчин среди деревенских, пользующихся кремами, практически нет, на уровне статистической ошибки. Среди горожан-мужчин, пользующихся кремами, 35%. Вместе с тем на селе чаще меняют постельное белье. О том, что меняют белье каждую неделю, сказали 72% сельчан и 58% горожан. Смена белья накрепко привязана к помывке в бане: «Если уж чиститься, так целиком».

Таким образом, практики ухода за телом на селе комплексны, не фрагментированы на помывку, смену белья, пользование кремами. Сельчане реже, но регулярней, в соответствии с сезонными, сложившимися годами привычками, ухаживают за телом, последовательно поддерживают чистоту и комфортность для себя и окружающих.

Двигаются

В селе двигаются больше (Акопян, 2014: 11; Николаев, 2017). Кому за водой выйти, кому в туалет, кому просто подышать, если удобства уже в дом проведены. В селе каждый день выходят на улицу 74% стариков, в городе — 79%[11]. Разница незаметная, статистически незначимая. Различия возрастают для людей с ограниченными возможностями. На селе и первый этаж, и потребностей двигаться больше, потому каждый день выходят на улицу 54% стариков с ограниченными возможностями на селе и только 40% — в городе. «Не можешь, но идешь. Сегодня поленился — не встал, назавтра и без лени — не встанешь».

---

9. Анкетный вопрос: «Как часто за последние три месяца вы принимали душ/ванну — каждый день, несколько раз в неделю, несколько раз в месяц и реже?» Опрос 65+ (2017).
10. Анкетный вопрос: «Пользуетесь ли вы косметическими кремами для лица/рук/тела?» Опрос 65+ (2017).
11. Анкетный вопрос: «Как часто вы выходите из дома — каждый день, один или несколько раз в неделю, несколько раз в месяц и реже?» Опрос 65+ (2017), Опрос «Инвалиды» (2017).

Подвижность — значимый маркер субъективного благополучия в старших возрастах. Дисциплина движения остается одним из последних атрибутов осмысленного старения. В ней не важны достижительные факторы, расстояние и время. Основой становится регулярность и осмысленное сокращение нагрузки, отсутствие надрыва и преодоления. «Всему свое время, своему времени — своя нагрузка, — обмолвился девяностолетний старик, объясняя свои ежедневные двести метром во дворе. — Если двадцать лет назад на лыжах мог десятку [километров] пробежать, теперь эта десятка — мой двор. Достаточно. Нельзя зазнаваться, когда ноги не идут и голова отказывает».

Сохраняют интимность

В старший возраст на селе, в отличие от города, входят с брачным партнером. В возрасте от 65 до 74 лет включительно на селе живут с партнером 70% опрошенных, в городе — 56%. Но для села выход за пределы возраста трудовой активности становится катастрофическим — в семьях умирает один из партнеров, чаще мужчина. В результате в возрасте от 75 и старше пропорции между городом и селом выравниваются: на селе с партнером живут 41% опрошенных, в городе — 40%[12]. Люди старшего возраста сохраняют отношения, однако уход близких, смерть ставит точку на долгосрочных отношениях супружества.

Поддержание близкого человека и открытость для новых отношений после его смерти — основные критерии сохранения интимности. Только в парах пожилые люди, привыкшие к супружеским отношениям, имеют шанс на благополучное, счастливое старение.

Высокая мужская смертность приводит к «феминизация старости» (Арбер, 2016: 201), когда социальная активность уходит из интимной сферы в социальную. Пожилые женщины реализуют себя в общении с детьми, родственниками и соседями (Ипатова, 2016: 257), но это не снимает насущность потребности в интимной близости. Сельская жизнь, несмотря на колоссальные различия в благосостоянии города и села, высокую мужскую смертность, общую бытовую неустроенность, по-прежнему остается более благоприятной для сохранения супружеских отношений, а значит, и близости.

Предназначение старения

Не претендуя на полный охват и всеобщее значение выделенных черт старения, можно тем не менее утверждать, что обозначенные

12. Результаты перекодирования карточки домохозяйства: Опрос 65+ (2017) и Человек, семья, общество (2017).

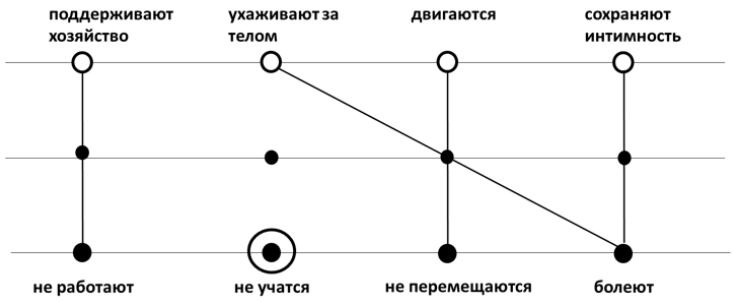

Рис. **Ограничения и возможности сельского старения**

ограничения и возможности характеризуют старение на селе. Труд, образование, подвижность и телесность — важнейшие компоненты активной, неодинокой старости. Многие утраты и ограничения так или иначе компенсируются, замещаются в жизни родившихся или переехавших на село стариков иными формами активности. Невозможность (по большей части из-за проблем со здоровьем и отсутствием подходящих форм занятости) иметь оплачиваемую работу замещается работой по хозяйству; отсутствие поездок и путешествий — подвижностью в пределах поселения или дома. Болезни преодолеваются как лекарствами, так и более внимательным отношением к телу, практиками гигиенического ухода, интимными практиками. И только отказ от обучения ничем не компенсируется (см. рис.).

У поколения нынешних стариков отсутствуют навыки непрерывного образования. Для них учеба по большей части неразрывно связана с детством и юностью. Отказавшись еще в среднем возрасте от продолжения, возобновления или начала обучения, очень многие сельчане обрекли себя на одиночество, отчаяние и беспомощность перед надвигающейся немощью. Л. Ханифан еще в начале прошлого века писал, что отсутствие образовательных практик непосредственно сказывается на снижении социального капитала, который на селе выражается во взаимной симпатии и социальных взаимодействиях, естественным центром которых выступает школа (Hanifan, 1916). Ничего не изменилось за столетие как в США (о чем писал Ханифан), так и в остальном мире.

Опасно искать универсальные средства спасения. Велик риск нахождения удобного, но абсолютно бесполезного рецепта. Но как это ни парадоксально звучит, именно навыки получения образования, поддержанные любознательностью, впечатлительностью и усидчивостью, составляют основу для активного долголетия на селе. Поиск новых форм занятости, в глубокой старости редуцируемых до практик ухода за собой, подвижность внутри домохозяйства, интимность и близость с партнером, управление болезнями и немощью — всё это требует постоянного обучения, поиска подходящих средств и приемов, наблюдения за собой и разговоры

с окружающими. Обучение — единственная благоприятная среда для укрепления духа и подготовки себя к приближающейся смерти.

«Зачем я живу?» — вопрос, актуальный для всех возрастов. Ответ на него — это одновременно поиск нового и сохранение накопленного. «Живу, чтобы узнавать себя и мир. В этом есть недостаток: за что только не брался и мало что довел до конца. Но мне никогда не бывает и не было скучно. У меня никогда нет времени, чтобы быть одиноким», — ответ, который я услышал от одного 86-летнего старика. Ответ не универсальный, как не универсальна ни одна из форм обучения. Но ответ вполне достаточный для осмысленного формирования социальной политики, опирающейся на «сельскую гражданственность» (Skinner, Winterton, 2018), убеждения, представления и практики самих стариков.

Легко чувствовать себя востребованным в юности и среднем возрасте. Что представляется внешними угрозами, звучит требованиями, сначала родителей, потом работодателей, членов семьи, в старости отходит на второй план. Смерть выравнивает былые заслуги, усмиряет амбиции, заостряет вопрос о смысле жизни до немыслимого предела. Смерть стирает различия между городским и деревенским стилем жизни, куда более радикальней любых социальных, экономических или политических изменений и вызовов. Активное долголетие — это умение держать вопрос о смысле своего существования, чтобы дооформить жизнь, завершить, реализовать предназначение, жизненный план, постичь который невозможно, но вполне можно выполнить.

Библиография

Акопян С.А. (2014). Страхи пожилых людей города и села // Поволжский педагогический вестник. № 2. С. 8-11.

Арбер С. (2016). Старение и гендер в глобальном контексте: роль семейного статуса / Пер. с англ. Е.В. Вьюговской, А.А. Ипатовой // Старикам тут место: социальное осмысление старения / Под ред. Д.М. Рогозина, А.А. Ипатовой. М.: Институт социологии РАН. С. 191-214.

Балакина Е.Н., Бороздина И.С. (2009). Концептуализация и вербализация географического пространства в русском и английском языках (на примере категорий «город», «деревня, село» // Теория языка и межкультурная коммуникация. № 5. С. 1-7.

Виноградский В.Г. (2017). Формы неформальности: невидимая экономика крестьянского двора // Крестьяноведение. Т. 2. № 2. С. 101-120.

Дементьев И.А. (2011). Концепция «преодоления различий между городом и деревней» и ее влияние на истощение человеческого и социального капитала российского села // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 3. С. 56-60.

Ильдарханова Ч.И. (2014). Переоткрытие социальной реальности города и села // Вестник МГИМО. № 6. С. 228-235.

Ипатова А.А. (2016). Судьбы старшего поколения ивановцев // Старикам тут место: социальное осмысление старения / Под ред. Д.М. Рогозина, А.А. Ипатовой. М.: Институт социологии РАН. С. 244-261.

Копотева И.В. (2016). Гражданское общество и гражданская активность сельской России // Крестьяноведение. Т. 1. № 1. С. 142-166.

Кузьменко Т.В. (2015). Представления о «норме жизни» и достатке жителей города и села: сравнительный анализ // Социологический альманах. № 6. С. 457-464.

Куштанина В.А. (2008). Выход на пенсию как момент пересмотра идентичности // Мир России. Т. 17. № 4. С. 152-163.

Нефёдова Т.Г. (2018). Современное крестьянское хозяйство в сельско-городской среде // Крестьяноведение. Т. 3. № 1. С. 117-140.

Николаев А.Ю. (2017). Физическая активность и малоподвижное поведение взрослых в городе и на селе по данным опросника IPAQ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 3. С. 89-93.

Овчинцева Л.А., Попова О.А. (2013). Административная и сущностная граница между городом и селом // Аграрная Россия. № 2. С. 37-40.

Разумов В.И., Рыженко Л.И. (2009). Баланс и специфика функций города и села в общественном воспроизводстве // Вестник Омского университета. Т. 54. № 4. С. 21-29.

Рогозин Д.М. (2016). Либерализация старения, или Труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Старикам тут место: социальное осмысление старения / Под ред. Д.М. Рогозина, А.А. Ипатовой. М.: Институт социологии РАН. С. 8-41.

Фризен М.А., Козлова А.Б. (2008). Особенности представлений о времени людей, проживающих в городе и селе // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. № 2. С. 37-62.

Chapman C.R., Casey K.L., Dubner R., Foley K.M., Gracely R.H., Reading A.E. (1985). Pain measurement: An overview // Pain. Vol. 22. No. 1. P. 1-31.

Costa da N.P., Polaro S.H., Vahl E.A., Goncalves L.H. (2016). Storytelling: A care technology in continuing education for active ageing // Revista Brasileira de Enfermagem. Vol. 69. No. 6. P. 1068-1075.

Downing J., Jack B.A. (2012). End-of-life care in rural areas: what is different? // Current Opinion in Supportive and Palliative Care. Vol. 6. No. 3. P. 391-397.

Farrants K., Marklund S., Kjeldgard L., Head J., Alexanderson K. (2018). Sick leave among people in paid work after age 65: A Swedish population-based study covering 1995, 2000, 2005 and 2010 // Scandinavian Journal of Public Health. Vol. 46. No. 3. P. 297-305.

Frase, L., McKenn, K., Turpi, M., Alle, S., Liddl, J. (2009). Older workers: An exploration of the benefits, barriers and adaptations for older people in the workforce // Work — A Journal of Prevention Assessment and Rehabilitation. Vol. 33. No. 3. P. 261-272.

Gegenfurtner A., Vauras M. (2012). Age-related differences in the relation between motivation to learn and transfer of training in adult continuing education // Contemporary Educational Psychology. Vol. 37. No. 1. P. 33-46.

Hallerod B., Orestig J., Stattin M. (2013). Leaving the labour market: The impact of exit routes from employment to retirement on health and wellbeing in old age // European Journal of Ageing. Vol. 10. No. 1. P. 25-35.

Hanifan L.J. (1916). The rural school community center // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 67. P. 130-138.

Lautenbache S., Peter J.H., Heese M. (2017). Age changes in pain perception: A systematic-review and meta-analysis of age effects on pain and tolerance thresholds // Neuroscience and Biobehavioral Reviews. Vol. 75. P. 104-113.

Nilsson K. (2018). Managers' attitudes to their older employees: A cross-sectional study // Work — A Journal of Prevention Assessment and Rehabilitation. Vol. 59. No. 1. P. 49-58.

Nilsson K., Hydbom A.R., Rylander L. (2011). Factors influencing the decision to extend working life or retire // Scandinavian Journal of Work Environment and Health. Vol. 37. No. 6. P. 473-480.

Rainsford S., MacLeod R.D., Glasgow N.J. et al. (2017). Rural and-of-life care from the experiences and perspectives of patients and family caregivers: A systematic literature review // Palliative Medicine. Vol. 31. No. 10. P. 895-912.

Skinner M.W., Winterton R. (2018). Interrogating the contested spaces of rural aging: Implications for research, policy, and practice // Gerontologist. Vol. 58. No. 1. P. 15-25.
Virtanen M. (2018). Towards sustainable work and longer working lives // Scandinavian Journal of Public Health. Vol. 46. No. 3. P. 287-289.
Wilson D.M., Justice C., Sheps S. et al. (2006). Planning and providing end-of-fife care in rural areas // Journal of Rural Health. Vol. 2. No. 2. P. 174-181.

Challenges and prospects of rural aging

Dmitry Rogozin, PhD (Sociology), Head of Laboratory for Social Research Methodology, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Address: 119034, Moscow, Prechistenskaya Nab.,1. E-mail: nizgor@gmail.com

Of the three large-scale studies conducted by the Institute of Social Analysis and Forecasting of the Russian Academy of Sciences, the author selected eight most significant manifestations of rural aging and divided them into two groups. The first group presents limitations, while the second — opportunities for aging in the countryside. Elderly villagers, as a rule, do not work, do not study, do not travel, and are sick — these are the restrictions. But they manage the household, take care of themselves, move and keep intimate relationships — these are opportunities. Most limitations and opportunities make pairs. For instance, elderly villagers do not work but manage the household; do not travel, but move; get sick, but keep intimate relationships and take care of their bodies. Only the lack of educational opportunities does not have a positive pair in rural areas. The author believes that continuous education can become a main factor of active aging, that is why it should become an integral part of social policies.

Keywords: aging studies, life-long learning, illness, variety of aging, education, rural aging, sexuality, sociology of aging, old age.

References

Akopyan S.A. (2014) Strahi pozhilyh lyudej goroda i sela [Fears of the elderly in the city and village]. *Povolzhsky Pedagogichesyj Vestnik,* no 2, pp. 8-11.
Arber S. (2016) Starenie i gender v globalnom kontekste: rol semejnogo statusa [Aging and gender in the global context: The role of family status]. Per. s angl. E.V. Vyugovskoj, A.A. Ipatovoj. *Starikam tut mesto: socialnoe osmyslenie stareniya.* Pod red. D.M. Rogozina, A.A. Ipatovoj. Moscow: Institut sociologii RAN, pp. 191-214.
Balakina E.N., Borozdina I.S. (2009) Kontseptualizatsiya i verbalizatsiya geograficheskogo prostranstva v russkom i anglijskom yazykah (na primere kategorij “gorod”, “derevnya, selo” [Conceptualization and verbalization of geographical space in Russian and English (on the example of categories ‘city’ and ‘village’]. *Teoriya Yazyka i Mezhkulturnaya Kommunikatsiya,* no 5, pp. 1-7.
Chapman C.R., Casey K.L., Dubner R., Foley K.M., Gracely R.H., Reading A.E. (1985). Pain measurement: An overview. *Pain,* vol. 22, no 1, pp. 1-31.
Costa da N.P., Polaro S.H., Vahl E.A., Goncalves L.H. (2016) Storytelling: A care technology in continuing education for active aging. *Revista Brasileira de Enfermagem,* vol. 69, no 6, pp. 1068-1075.
Dementev I.A. (2011) Kontseptsiya “preodoleniya razlichij mezhdu gorodom i derevnej” i ee vliyanie na istoschenie chelovecheskogo i socialnogo kapitala rossijskogo sela [The conception of ‘overcoming the differences between city and village’, and its impact on the depletion of the human and social capital of the Russian countryside]. *Vestnik Pomorskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye i Socialnye Nauki,* no 3, pp. 56-60.

Downing J., Jack B.A. (2012) End-of-life care in rural areas: what is different? *Current Opinion in Supportive and Palliative Care,* vol. 6, no 3, pp. 391-397.

Farrants K., Marklund S., Kjeldgard L., Head J., Alexanderson K. (2018) Sick leave among people in paid work after age 65: A Swedish population-based study covering 1995, 2000, 2005 and 2010. *Scandinavian Journal of Public Health,* vol. 46, no 3, pp. 297-305.

Frase L., McKenn K., Turpi M., Alle S., Liddl J. (2009) Older workers: An exploration of the benefits, barriers and adaptations for older people in the workforce. *Work – A Journal of Prevention Assessment and Rehabilitation,* vol. 33, no 3, pp. 261-272.

Frizen M.A., Kozlova A.B. (2008) Osobennosti predstavlenij o vremeni lyudej, prozhivayuschih v gorode i sele [Townspeople and villagers representations of time]. *Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye Nauki,* no 2, pp. 37-62.

Gegenfurtner A., Vauras M. (2012) Age-related differences in the relation between motivation to learn and transfer of training in adult continuing education. *Contemporary Educational Psychology*, vol. 37, no 1, pp. 33-46.

Hallerod B., Orestig J., Stattin M. (2013) Leaving the labor market: The impact of exit routes from employment to retirement on health and well-being in old age. *European Journal of Aging*, vol. 10, no 1, pp. 25-35.

Hanifan L.J. (1916). The rural school community center. *Annals of the American Academy of Political and Social Science,* vol. 67, pp. 130-138.

Ildarhaknova Ch.I. (2014) Pereotkrytie socialnoj realnosti goroda i sela [Rediscovery of the social reality of the city and village]. *Vestnik MGIMO,* no 6, pp. 228-235.

Ipatova A.A. (2016) Sudby starshego pokoleniya ivanovtsev [The fate of the older generation of Ivanovo]. *Starikam tut mesto: socialnoe osmyslenie stareniya.* Pod red. D.M. Rogozina, A.A. Ipatovoj. Moscow: Institut sociologii RAN, pp. 244-261.

Kopoteva I.V. (2016) Grazhdanskoe obschestvo i grazhdanskaya aktivnost selskoj Rossii [Civil society and civic engagement in rural Russia]. *Russian Peasant Studies,* vol. 1, no 1, pp. 142-166.

Kushtanina V.A. (2008) Vyhod na pensiyu kak moment peresmotra identichnosti [Retirement as a chance to revise one's identity]. *Mir Rossii,* vol. 17, no 4, pp. 152-163.

Kuzmenko T.V. (2015) Predstavleniya o "norme zhizni" i dostatke zhitelej goroda i sela: sravnitelnyj analiz [Townspeople and villagers representations of the 'standard of living' and prosperity: A comparative analysis]. *Sociologichesky Almanakh*, no 6, pp. 457-464.

Lautenbache S., Peter J.H., Heese M. (2017) Age changes in pain perception: A systematic-review and meta-analysis of age effects on pain and tolerance thresholds. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews,* vol. 75, pp. 104-113.

Nefedova T.G. (2018) Sovremennoe krestyanskoe hozyajstvo v selsko-gorodskoj srede [Contemporary peasant economy in the rural-urban environment]. *Russian Peasant Studies,* vol. 3, no 1, pp. 117-140.

Nikolaev A.Yu. (2017) Fizicheskaya aktivnost'i malopodvizhnoe povedenie vzroslyh v gorode i na sele po dannym oprosnika IPAQ [Physical activity and sedentary behavior of adults in the city and village according to the IPAQ questionnaire]. *Aktualnye Problemy Gumanitarnyh i Estestvennyh Nauk,* no 3, pp. 89-93.

Nilsson K. (2018) Managers' attitudes to their older employees: A cross-sectional study. *Work — A Journal of Prevention Assessment and Rehabilitation,* vol. 59, no 1, pp. 49-58.

Nilsson K., Hydbom A.R., Rylander L. (2011) Factors influencing the decision to extend working life or retire. *Scandinavian Journal of Work Environment and Health,* vol. 37, no 6, pp. 473-480.

Ovchintseva L.A., Popova O.A. (2013) Administrativnaya i suschnostnaya granitsa mezhdu gorodom i selom [Administrative and substantive borders between the city and village]. *Agrarnaya Rossiya,* no 2, pp. 37-40.

Rainsford S., MacLeod R.D., Glasgow N.J. et al. (2017) Rural and-of-life care from the experiences and perspectives of patients and family caregivers: A systematic literature review. *Palliative Medicine,* vol. 31, no 10, pp. 895-912.

Razumov V.I., Ryzhenko L.I. (2009) Balans i spetsifika funktsij goroda i sela v obschestvennom vosproizvodstve [Balance and specifics of the city and village functions in social reproduction]. *Vestnik Omskogo Universiteta,* vol. 54, no 4, pp. 21-29.

Rogozin D.M. (2016) Liberalizatsiya stareniya, ili trud, znaniya i zdorovie v starshem vozraste [Liberalization of aging, or labor, knowledge, and health in the older age]. *Starikam tut mesto: socialnoe osmyslenie stareniya.* Pod red. D.M. Rogozina, A.A. Ipatovoj. Moscow: Institut sociologii RAN, pp. 8-41.

Skinner M.W., Winterton R. (2018) Interrogating the contested spaces of rural aging: Implications for research, policy, and practice. *Gerontologist,* vol. 58, no 1, pp. 15-25.

Vinogradsky V.G. (2017) Formy neformalnosti: nevidimaya ekonomika krestyanskogo dvora [Forms of informality: Invisible economy of the peasant house] *Russian Peasant Studies,* vol. 2, no 2, pp. 101-120.

Virtanen M. (2018) Towards sustainable work and longer working lives. *Scandinavian Journal of Public Health,* vol. 46, no 3, pp. 287-289.

Wilson D.M., Justice C., Sheps S. et al (2006) Planning and providing end-of-life care in rural areas. *Journal of Rural Health,* vol. 2, no 2, pp. 174-181.